

*Латвия
Рига
Морозов Олег Васильевич
Подполковник запаса
Военный историк
Специально для проекта www.reenactor.ru*

“НОЧЬ СВЯТОГО САТУРНИНА” ИЛИ НАЧАЛО РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1830–1831 ГОДОВ

180 лет назад территория Польши стала ареной одной из самых кровопролитных войн между русскими и поляками. С 1815 года после Венского конгресса европейских государств, победителей Наполеона, страна под названием Царства Польского входила в состав Российской Империи. Польша, войдя в состав России, получила большую автономию. Она имела свой парламент, свою денежную систему и свою конституцию. Наконец в стране существовала своя польская армия – детище наместника Царства Польского Великого Князя Константина Павловича, брата Императора Александра I. Армия состояла из 3-х пехотных и 3-х кавалерийских дивизий с артиллерией. Общая численность её составляла до 35 тысяч человек.

Однако всего этого польским патриотам казалось мало. Они мечтали о полном отделении от России. Тайные общества стали возникать особенно со 2-й половины 1820-х годов. Июльская революция 1830 года во Франции была искрой, воспламенившей фантастические мечтания поляков о независимости. Тайные польские общества стремились привлечь весь народ идеями революции и в Польше. В октябре 1830 года в столице распространялись прокламации, призывавшие народ к всеобщему восстанию и угрожавшие самому Цесаревичу. Поводом к восстанию послужил приказ Императора Николая Павловича польской армии совместно с русскими войсками готовиться к походу в Голландию для подавления восстания в Бельгии.

Русские войска, находившиеся в Варшаве при Цесаревиче, состояли из 2-х пехотных гвардейских полков (Лейб-гвардии Литовский и Лейб-гвардии Волынский) и 3-х кавалерийских гвардейских полков (Лейб-гвардии Подольский кирасирский, Лейб-гвардии Уланский Его Высочества Цесаревича и Лейб-гвардии Гродненский гусарский). Итого – 4 батальона и 12 эскадронов. Общая численность войск была около 7 тысяч человек. Из польских войск в Варшаве находились гвардейский Гренадерский и 4-й Линейный полки в полном составе, сапёрный батальон, гренадерские роты 1-го и 3-го Егерских и 6-го и 7-го Линейных полков и гвардейский Конно-егерский полк. Итого – 6 батальонов и 4 эскадрона. Кроме того в Варшаве находилась школа пехотных подхорунжих, в которой обучалось около 50 подпрапорщиков русских полков и 200 подпрапорщиков польских войск.

Расположение войск было следующее. В северной части города – Лейб-гвардии Волынский полк на Дзиковой улице. Поблизости от него, на Закрочимской улице – польский сапёрный батальон и 4-й Линейный полк. Лейб-гвардии Литовский и польский гвардейский Гренадерский полки и гренадерские роты других полков находились все вместе – в Александровских казармах. Сам Цесаревич жил в своей резиденции в Бельведерском дворце, построенном в 1824 году. В южной части города, недалеко от

этого дворца находились казармы 3-х русских кавалерийских полков. Польский гвардейский Конно-егерский полк располагался в центре города у Саксонского сада. Варшавская школа подхорунжих находилась в одном из флигелей Лазенковского дворца.

16 ноября 1830 года был окончательно составлен план заговора, который состоял из 3-х главных пунктов – убийство Великого Князя Константина Павловича, захват Варшавского арсенала и разоружение русских войск. Один батальон 4-го Линейного полка, занимавший в этот день караулы, должен был с 2-мя гренадерскими ротами других полков овладеть арсеналом. Другой батальон этого полка вместе с сапёрами должен был разоружить Лейб-гвардии Волынский полк. Гвардейскому Гренадерскому полку с частью гренадерских рот было поручено разоружить Лейб-гвардии Литовской полк. Для разоружения русской кавалерии назначалась вооружённые подпрапорщики и 6 гренадерских рот 1-го и 3-го Егерских и 6-го Линейного полков при 4-х орудиях учебной артиллерии. Аналогичные распоряжения были даны для разоружения русских войск в окрестностях Варшавы – учебного батальона в Блоне, гвардейской конной лёгкой батареи № 3 в Скерневицах и гвардейской пешей артиллерии батареей роты № 5 в Гуре.

Великий Князь Константин Павлович был извещён, что готовится *что-то*, но он по-прежнему продолжал оставаться в Бельведере, без всякого караула. Лишь два-три безоружных инвалида служили у него дворовыми сторожами при воротах. Недели за две до рокового дня были получены депеши из С.-Петербурга, предупреждавшие о мятежных приготовлениях. Одновременно было сообщение из Берлина об обнаружении в Познани польского заговора. Цесаревич сообщил их содержание собравшимся у него русским и польским генералам. Последние поклялись ему своею честью и жизнью, что никогда ничего опасного в Варшаве быть не может, что войска всем довольны, верны и надёжны. Обыватели никем не притесняются и пользуются полным спокойствием и благосостоянием. Польские генералы заверили Великого Князя, что если и открыты какие-то тайные кружки, то это вовсе не серьёзный заговор, а просто школьная ребяческая сходка, от которой никогда не может произойти что-либо серьёзное. Точно также и русские офицеры весьма сильно заблуждались на счёт своих польских сослуживцев, с которыми находились под командой общих высших начальников. Русские считали невозможным, чтобы польские войска, осыпаемые милостями Цесаревича, даже в случае общего мятежа в Варшаве, изменили присяге.

Тем не менее, на случай уличных беспорядков были приняты некоторые меры, далеко недостаточные для подавления серьёзного восстания. Было приказано высылать в город усиленные кавалерийские разъезды. В русской кавалерии ежедневно назначались дежурные эскадроны, а в пехоте – по одной дежурной роте от каждого батальона. В Лейб-гвардии Литовском и Волынском полках было приказано раздать патроны. Нижние чины должны были спать в казармах одетыми, имея под рукой готовую амуницию и заряженные ружья. В случае тревоги русские полки Варшавского отряда должны были собираться на Военном поле (Plac Broni). В приказе Великого Князя говорилось; “В случае каких-либо смятений в городе, русские войска должны выйти из казарм и, соединившись на “плацу Брони”, ожидать там дальнейших приказаний; оружие же употреблять не иначе, как для собственной обороны, чтобы не сказали, что мы нападаем”.

Утро 17 ноября было ясное, с небольшим морозцем, но вскоре подувший южный ветер нагнал тучи и сырость. Войска готовились уже отправляться на ежедневный развод, но в полки прибыли ординарцы и объявили, что развод из-за холодной и ненастной погоды не состоится. Его Высочество, по обыкновению, принял у себя в зале только вестовых и дежурных от гвардейских полков, выслушал доклады командиров частей, затем дал аудиенцию, закончил текущие занятия и удалился во внутренние покои. Полкам было приказано заниматься домашним учением. Воспользовавшись этим, офицеры-поляки, участвовавшие в заговоре, приказали своим солдатам после обеда быть в готовности, на случай тревоги, что производилось довольно часто, и укрепить кремни в ружьях. Смерклось. Вечер был пасмурным и ненастным. По небу быстро мчались клочья разорванных туч, гонимых ветром. Между ними, то появлялась в полном блеске, то пряталась в дымке луна. В городе среди глухой и гнетущей тишины перед бурей, невольно чувствовалось какое-то беспокойство.

В это время в одной из рощ Лазенковского парка начали поодиночке собираться подпрапорщики и студенты, назначенные для нападения на Бельведер и убийства Цесаревича. Сборным пунктом заговорщиков, которыми командовал журналист Набеляк, был назначен пустынный и уединённый мост, рядом с которым возвышалась мраморная конная статуя Яна Собесского. Но вместо ожидаемых 32 заговорщиков, здесь собралось только 13 студентов и 6 подпрапорщиков из школы подхорунжих. Студентов вооружили ружьями, тайно взятыми из пирамид русских подпрапорщиков школы подхорунжих. Сигналом к выступлению должен был послужить пожар на Солецкой пивоварне в 6 часов вечера. Все взоры были устремлены на Солец, где долго не показывалось ожидаемое зарево. Только при третьем поджоге спустя полчаса пламя охватило пивоварню. Заметив сигнал, заговорщики разделились на две партии и двинулись к Бельведеру. Одна партия заняла Бельведерский сад, чтобы перекрыть пути отступления из дворца, другая, большая, направилась к главному подъезду. Ворота были открыты. Двух инвалидов, пригрозив смертью, заставили молчать. Пятеро заговорщиков остались у ворот в виде резерва, а остальные 9 человек через двор ворвались во дворец, разбив вдребезги зеркала и люстры в подъезде и с криками: “Смерть тирану!” ворвались в комнаты верхнего этажа, где находились покои Цесаревича.

Великий Князь отдыхал после обеда, но услышав шум, хотел узнать, в чём дело. Он уже находился в каких-нибудь 6-7 шагах от своих убийц, когда камердинер Фризе, отстранив его насильно, захлопнул и закрыл на задвижку дверь в то самое мгновение, когда заговорщики, исколов штыками вице-президента (полицмейстера) Варшавы Любовицкого, ожидавшего в смежном покое, уже врывались в опочивальню Цесаревича. Генерал-лейтенант Жандр, бросившийся вниз, чтобы позвать людей, был принят в потёмках за Великого князя и заколот штыками на дворе у ворот теми пятью мятежниками, которые оставались в резерве. “Спускайтесь вниз! Он мёртв!” – кричали они со двора своим сотоварищам. Те, бросившись на этот крик, удалились из дворца также поспешно, как и пришли. Гонимые страхом от своего преступления, они скрылись в темноте и, рассыпавшись в близлежащей роще, поспешили к мосту Собесского.

В то время, когда отряд заговорщиков собирался для нападения на Бельведерский дворец, офицер школы подхорунжих подпоручик гвардейского Гренадерского полка Пётр Высоцкий, бывший при поджоге пивоварни, прибыл в школу. Он ворвался в зал, где в это время шли послеобеденные занятия, и воззвал к оружию. Заранее

подготовленная молодёжь польских полков бросилась к ружейным пирамидам и в столовый зал, где стала разбирать боевые патроны. Подпрапорщики двух русских гвардейских полков (Литовского и Волынского) жившие в разных сторонах здания, услышав барабанный бой, шум и крики, вышли из своих комнат и бросились в пирамидальный зал, где находились ружья и амуниция. Но оказалось, что их ружьями мятежники вооружили студентов, причастных к заговору. Русским (около 50 человек), не имевшим никакой возможности оказать сопротивление, пришлось спасаться бегством через окна. Пользуясь темнотой и неразберихой, часть из них сумела пробраться в свои полковые казармы, а часть присоединилась к полкам русской гвардейской кавалерии.

При этом отличился подпрапорщик Лейб-гвардии Волынского полка Александр Аксюк, который бросился бежать в казармы Лейб-гвардии Уланского Цесаревича полка, чтобы предупредить о грозящей опасности. Он прибыл к дежурному по полку ротмистру барону Притвицу. Сообщив барону Притвицу о мятеже, Аксюк, по его приказанию поспешил затем в казармы Лейб-гвардии Подольского кирасирского полка, а оттуда пробрался уже под выстрелами мятежников на противоположный конец города, в казармы своего полка. По прибытии в свои казармы отважный прапорщик доложил обо всём случившемся дежурному по своему полку капитану Падейскому. За этот подвиг Аксюк был позже произведён в прапорщики своего полка и награждён орденом Св. Анны 4-й степени (приказ по Гвардейскому корпусу от 7 января 1831 года за № 2).

Построив подпрапорщиков на плацу школы подхорунжих, мятежный подпоручик Высоцкий повёл их в числе 160 человек к казармам гвардейских Лейб-улан, находившихся ближе всего к зданию школы. Казармы русской кавалерии на Сольце, близ Лазенок, были совершенно не приспособлены для обороны от неприятельского нападения. Это были длинные и низкие деревянные бараки, окруженные широким и глубоким рвом с водой, чрез который были переброшены несколько деревянных мостов. Стоило только занять эти мосты пехотой, чтобы принудить всю кавалерию сдаться. В случае отказа она была обречена или потонуть во рвах при переправе, или заживо сгореть в деревянных казармах и конюшнях. Убив улана, стоявшего на часах у моста, часть подпрапорщиков бросилась через мост во двор, и стала стрелять. Сначала огонь вёлся беспорядочно, а потом по выбегавшим уланам. Барон Притвиц велел трубачу трубить тревогу и бросился к 3-му эскадрону полка, бывшему в тот день дежурным. Уланы в пешем строю отбили попытку поляков поджечь конюшни. Дежурный по 3-му эскадрону поручик Шервинский с 5 конными уланами атаковал мятежников с фланга. 30 пеших улан 2-го эскадрона под командой поручика Курселя атаковали с фронта. Первое нападение было отбито. Гвардейские уланы потеряли 18 человек убитыми и ранеными и до 30 лошадей.

Вскоре последовала вторая атака мятежников. И во второй раз они не догадались захватить мосты, а лишь ворвались снова на полковой двор. В это же время мятежники увидели Подольских кирасир, которые на рысях шли длинной колонной между городом и Собесским мостом. Кирасиры, ещё в своих казармах, заметив неподалёку пожар и услышав ружейные выстрелы, успели беспрепятственно сесть на коней и двинулись к Бельведеру. Поляки в смятении и спешке бросились с дороги в рощу, мимо которой должны были проходить кирасиры, и успели достигнуть её опушки. Русская кавалерия, подвергшаяся совершенно неожиданному для неё нападению, показала в этот вечер свои

боевые качества. Отразив нападение заговорщиков, она полчаса спустя уже окружала Цесаревича у Бельведера.

На площадке перед дворцом стоял эскадрон Лейб-гвардии Подольского кирасирского полка. Тусклый свет фонаря освещал закутанную в шинель фигуру Великого Князя перед кирасирами, сидевшего верхом. Около него находились русские генералы. Здесь были начальник штаба Литовского корпуса генерал от инфантерии граф Курута, генерал-квартирмейстер штаба Цесаревича генерал-майор Данненберг, комендант Главной квартиры Цесаревича контр-адмирал Колзаков, командир Лейб-гвардии Подольского кирасирского полка генерал-лейтенант Кнорринг, командир Лейб-гвардии Уланского Цесаревича полка генерал-майор Марков, командир Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка генерал-майор Штрандтман и несколько адъютантов, тоже верхами. Далее колыхались флюгера эскадронов Лейб-гвардии Уланского Цесаревича полка, приведённых ротмистром Притвицем. Великий Князь подъехал к Лейб-уланам и отдал приказание – занять частями 2-го эскадрона все выезды и заставы, от Мокотовской рогатки до Калишского шоссе, что и было исполнено. В это время подоспел ещё Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, а вскоре вслед за ним и польский гвардейский Конно-егерский полк, приведённый его командиром и начальником Гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майором Курнатовским. Генерал-майор Курнатовский привёл с собой ещё и несколько рот польских егерей.

Так как местность вокруг Бельведерского дворца была неудобной для действия кавалерии, Цесаревич ночью, по совету своих генералов, отступил с отрядом к мызе Вержбно, находившейся в 2-х верстах от Варшавы. Между Бельведером и Вержбно, недалеко от последнего, находилось Мокотовское поле, на котором свободно могли расположиться войска. Сам Великий Князь с супругой остановились на малой Вержбненской ферме, и разместился там в двух маленьких комнатах. Три русских кавалерийских полка расположились биваком на Мокотовском поле. Мимо уланских постов всё время проезжали в экипажах русские семейства, успевшие без препятствий выехать из Варшавы. Все они стремились к Вержбно, где и располагались, кто, как мог, большей частью в своих же экипажах. Редкие костры печально и тускло горели на кавалерийских биваках сквозь пелену дождя и тумана. Весь русский лагерь был оцеплен часовыми и конными патрулями.

В самом начале восстания Лейб-гвардии Литовский и Волынский полки лишились своих ближайших начальников. Дивизионный начальник генерал-лейтенант Рихтер был захвачен в плен на концерте на Медовой улице. Командиры обоих гвардейских полков генерал-майоры Энгельман и Есаков были в этот вечер в гостях у сенатора Данилова, управлявшего военно-походной канцелярией Великого Князя и жившего в одном из флигелей Брюлевского дворца. Там собралось небольшое общество. В то время, когда генералы мирно играли в карты и пили чай, было получено известие о начавшемся восстании. Все пришли в страшное замешательство. Гости начали расходиться, все столпились в передней и разбирали свои вещи. Генералы Энгельман и Есаков вышли вместе, сели в экипажи и направились к своим полкам на Вержбовой улице. Не доезжая до арсенала, они очутились среди бунтующей толпы, которая их окружила и захватила в плен, причём кучер Есакова был убит выстрелом из пистолета. Впоследствии оказалось, что оба генерала были захвачены отрядом подпоручика Заливского, который первым

прибыл к арсеналу с двумя польскими ротами. В арсенале восставшими были захвачены 40 тысяч ружей.

Потеря начальников русской пехоты была причиной отсутствия единства в её действиях. Полученное от Цесаревича приказание собираться по тревоге на Военном поле генерал Энгельман передал своим батальонным командирам. Поэтому, Лейб-гвардии Литовский полк, избежав опасности быть застигнутым врасплох в своих казармах, был построен по тревоге старшим из батальонных командиров флигель-адъютантом полковником Граббе 3-м (командир 2-го батальона) и выведен на Военное поле. Но и там нельзя было считать себя в полной безопасности от внезапного нападения. Пользуясь наступившей темнотой, толпы вооружённого народа и польских солдат несколько раз приближались к полку и открывали огонь по цепи часовых, выставленных полковником Граббе. Цепь по недостатку патронов отвечала на эти выстрелы редким огнём. Из-за темноты ни одна, ни другая сторона не имели больших потерь от этой перестрелки. Но, тем не менее, Литовцы потеряли убитыми 3-х рядовых и подпрапорщика Каршницкого, который бежал из школы подхорунжих к своему полку, и был убит наповал в нескольких десятках шагов от цепи. Большую опасность представлял и польский гвардейский Гренадерский полк (5 рот), выведенный на Военное поле своим командиром генерал-майором Жимирским, который одновременно являлся командиром 1-й бригады Гвардейской пехотной дивизии. Часть этого полка уже открыто перешла на сторону мятежников, что оказало пагубное влияние на дух оставшихся рот, в которых было заметно брожение и падение дисциплины. Некоторые польские солдаты выходили из строя, переговаривались с мятежниками, а некоторые тут же переходили на их сторону.

Командир Лейб-гвардии Волынского полка генерал-майор Есаков не довёл до своих батальонных командиров тайный план выхода полка на Военное поле в случае начала беспорядков в городе. Поэтому после пленения своего командира, Волынцы остались в неизвестности, что делать и куда идти. За отсутствием полкового командира в командование полком вступил командир 1-го батальона флигель-адъютант полковник Овандер. Не получив никакого приказа, он решил идти на защиту арсенала, на помощь охранявшей его польской пехоте. 1-й батальон Волынцев под командой полковников Овандера и Высоцкого стал занимать ближайшие улицы для разгона толпы народа, а 2-й батальон под командой полковника Албертова направился прямо к арсеналу. Увидев там польский 4-й Линейный полк, солдаты весело говорили: “А, вот и “четвертаки” наши!”. Поляки окликнули: “Кто идёт?”. “Волынцы”, – был ответ. “Волынцы, бросай оружие!” – и вслед затем “четвертаки” сделали залп. Эта неожиданная измена произвела в батальоне замешательство, и он начал отступать. Едва отошли Волынцы от арсенала, как перед ними стал выдвигаться из поперечной улицы польский сапёрный батальон. Полковник Альбертов просил польского батальонного командира Майковского отойти назад и освободить проход. Тот скомандовал. Сапёры выполнили команду, но когда Волынцы прошли, они направились дальше к арсеналу на соединение с мятежниками. Во время перестрелки с мятежными войсками Волынцы только убитыми и ранеными потеряли свыше 20 человек. Когда оба батальона Волынского полка соединились, и, узнав, что Лейб-гвардии Литовский полк находится на Военном поле, они двинулись на соединение с Литовцами.

Была уже ночь, когда Волынский полк присоединился к Литовцам. Не имея никаких приказаний, офицеры, командовавшие полками, решили стоять на месте и ничего не предпринимать до получения известий от Великого Князя. Ночь была тёмная и холодная. Накрапывал дождь. Над городом виднелось зарево нескольких пожаров. Звуки ружейной стрельбы, изредка перекрываемые пушечными выстрелами, и глухой шум, доносившейся из города, подтверждали, что в Варшаве происходит что-то ужасное. Вся ночь прошла в мучительной неизвестности. О сие никто не думал, да и возможно ли было заснуть в поле под дождём и при резком холодным ноябрьским ветре, без крова и пищи. Временами однообразие томительной ночи нарушалось прибытием отдельных офицеров и нижних чинов русских полков, задержанных восстанием в городе.

Вновь прибывших людей окружали, засыпали вопросами, на которые последние, по большей части, не могли ничего ответить или сообщали разноречивые известия. Так, к утру в Лейб-гвардии Литовском полку кроме командира полка генерал-майора Энгельмана продолжали отсутствовать 7 офицеров, 2 подпрапорщика, 19 унтер-офицеров и 245 рядовых. В Лейб-гвардии Волынском полку отсутствовали 12 офицеров, 1 штаб-лекарь и более 100 нижних чинов. Большая часть офицеров оказалась в плену, а многие нижние чины впоследствии сумели присоединиться к своим полкам. Кроме того оказалось, что незначительная часть офицеров и унтер-офицеров русских полков, поляков по национальности, перешла на сторону мятежников. В Лейб-гвардии Волынском полку такими оказались прапорщики Пржисецкий, Танский и Пашковский и 6 унтер-офицеров из вольноопределяющихся, в Лейб-гвардии Уланском Цесаревича – корнет Мечниковский.

К утру было получено радостное известие, что Великий князь жив и находится в безопасности на Мокотовском поле среди полков русской кавалерии. От него было получено приказание, оставаться на месте и не предпринимать враждебных действий против мятежников. Днём были посланы команды от полков для сбора оставшегося картофеля на прилегающих к городу полях, на которых уборка картофеля была уже произведена крестьянами. Соль была добыта силой в лавках, находившихся недалеко от Военного поля. Добытый в недостаточном количестве картофель, поджаренный на огне костров, составил в течение дня единственную пищу русской пехоты, которая не имела даже хлеба. В сумерках с кавалерийским эскортом прибыл генерал-майор Феньшау, посланный Цесаревичем, с приказанием идти на соединение с русской кавалерией на Мокотовское поле на противоположном конце города.

К утру 19 ноября Лейб-гвардии Литовский и Волынский полки, сделавшие обход вокруг городского вала, прибыли на Мокотовское поле. Вскоре прибыл генерал-майор барон Корф из Гуры с гвардейской пешей батареей ротой № 5, а к вечеру прискакал полковник Гербель из Скерневиц с гвардейской конной лёгкой батареей № 3 и, наконец, на рассвете 19 числа поручик Максимович привёл из Блони учебный батальон Литовского корпуса. Таким образом, все части русского отряда в Царстве Польском благополучно соединились на Мокотовском биваке. Здесь же стояли и 5 рот гвардейских польских гренадер, которые генерал-майор Жимирский успел на некоторое время удержать в границах воинского долга.

Генералы Герштенцвейг и Данненберг убеждали Великого Князя позволить им силой оружия усмирить взбунтовавшийся народ. Герштенцвейг головой ручался, что через 4 часа в Варшаве всё будет спокойно. Но Великий Князь, считая, что “всякая

пролитая капля крови только испортит дело”, отпустил остававшиеся при нём польские войска (гвардейский Конно-егерский полк и часть гвардейского Гренадерского полка), дав им письменное разрешение отправиться в Варшаву. Эти войска поспешили в столицу и впоследствии пополнили состав польской мятежной армии. Только небольшое число офицеров и солдат из поляков остались верными своему долгу и присяге и остались при Цесаревиче. Среди них были 14 рядовых 4-го Линейного полка во главе с поручиком Горецким (позже все они были зачислены в Лейб-гвардии Литовский полк, в роту Его Величества). Нужно отметить, что большая часть старших польских начальников остались верными русскому престолу и только под угрозами младших офицеров повели войска против Цесаревича. Некоторые из них за верность присяге заплатились жизнью. Так погибли начальник школы подхорунжих генерал Трембицкий, генерал от инфантерии граф Потоцкий, начальник штаба генерал Семионтовский, военный министр граф Гауке и другие.

Четверо суток русские полки провели на Мотовской позиции. Они вышли по тревоге, как на простое ученье. Патроны, и всё снаряжение остались в цейхгаузах и казармах. Отряд, оставаясь в течение почти 4-х суток на голой земле и под открытым небом, без тёплой одежды и обуви, без хлеба и съестных припасов, без фуражного довольствия в суровую пору года, терпел всевозможные лишения и бедствия. С трудом можно было достать дров, чтобы развести костёр. С помощью покупок и реквизиций у окрестных помещиков и евреев кое-как добывали ещё немного скота на убой, но в хлебе ощущался страшный недостаток. Соли же и вовсе не было. Ели одну полусырую говядину. Поделив между собою порции, пехотинцы нанизывали куски на штыки, а кавалеристы на саблю, и поджаривали это на кострах. Вода была болотная, даже кони пили её неохотно, не говоря уже о людях. Овса и сена не было. Кавалеристы ломали ветви небольшого ельника, крошили его саблями и давали лошадям.

21 ноября, снявшись с Мокотовского бивака, Варшавский отряд русских войск направился вверх по Висле, ближайшей к берегу дорогой, и беспрепятственно переправился у Пулав на пароме. От Пулав путь отряда продолжался на Куров, на Любартов и далее к Бресту. В походе точного маршрута не было, но сам Цесаревич ежедневно делал маршевую диспозицию. Войска шли с военными предосторожностями, с авангардом, при котором следовал Великий Князь, и арьергардом, находившемся под командой командира русской кавалерийской бригады генерал-майора Пенхержевского. Дневные переходы иногда достигали до 60 вёрст. Наконец, 2 декабря 1830 года, после 12-дневного похода, русский отряд переправился через Буг у Влодавы и вступил в пределы России. Злополучная ночь на 18 ноября 1830 года, положившая начало Русско-польской войне, была названа самими поляками “ночью Святого Сатурнина”.

Литература

1. Крестовский В.В. *История Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка.* – СПб. 1876 г.
2. Луганин А. *Опыт истории Лейб-гвардии Волынского полка. Ч. 1. 1817–1849.* – Варшава. 1884 г.
3. [Маркграфский А.Н. История Лейб-гвардии Литовского полка. – Варшава. 1887 г.](#)
4. [Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 г. – СПб. 1886 г.](#)
5. Смит Ф.И. *История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов.* – СПб. 1864 г.